

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 13—21
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.2

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 13—21
ББК 63.3(2)614-361
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.2

ДЕЛО МАРИИ ГРИЦЕНКО — КРЕСТЬЯНКИ, КОММУНИСТКИ: МОЛЧАНИЕ КАК ПРОТЕСТ

М. В. Кротова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, mary_krot@mail.ru

Предпринята попытка на основе ограниченных источников реконструировать особенности процесса вовлечения в политику неграмотной крестьянки Марии Гриценко и ее поведения в условиях Большого террора, разобраться в специфике стратегии молчания как протеста. Основой статьи послужили материалы архивно-следственного дела — справки, протоколы допросов, письма, которые стали важным источником по реконструкции не только биографии, «технологии» террора, но и стратегий поведения людей в ситуации выбора. Дело М. Гриценко дает возможность поставить несколько вопросов в историческом контексте: харбинцы и их особенности, формирование советского человека, роль женщины как хранительницы устоев, крестьянского и шире — российского менталитета. Используя антропоцентристский подход, можно вписать казус Марии Гриценко в контекст эпохи 1930-х гг., исследовать стремление женщины выразить себя, свои представления о справедливости.

Ключевые слова: крестьянка, коммунистка, возвращенцы, Харбин, Большой террор, архивно-следственные дела, менталитет, стратегия поведения, персональная история.

THE CASE OF MARIYA GRITSENKO, PEASANT WOMAN AND COMMUNIST: SILENCE AS PROTEST

M. V. Krotova

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg,
Russian Federation, mary_krot@mail.ru

This article is an attempt to reconstruct the involvement of an illiterate peasant woman Mariya Gritsenko into politics and her behavior during the Great Terror. Besides, the author tries to work it out if a specific strategy of silence could be a kind of protest. The research is based on a limited number of sources such as archival materials of investigatory files, references, interrogation records, correspondences. These turned out to be not only important sources

for the reconstruction of the biography, the practice of terror, but also for understanding the strategy of human's behavior in case of choice.

Mariya Gritsenko and her husband were "harbintsy" (Harbinese) — former employees of Chinese Eastern Railway (CER), who returned to the Soviet Union from Manchuria. They were away from Russia for almost 30 years, and were unable to adapt here. Their behavior did not fit in established Soviet Canon of slanders and defamations. At one party meeting Communist Mariya Gritsenko didn't take part in the condemnation of "the enemy of the people" — a person she knew in Harbin. This person was arrested and convicted as a Japanese spy.

Mariya Gritsenko's file gives an opportunity to ask some questions in historical context: "harbintsy" and their features, creation of the Soviet man, role of women as keepers of life foundations, concept of conscience as the base of peasant mentality, and broader — essence of Russia. In this article the author used the anthropocentric approach, which allowed to put Mariya Gritsenko's case in context of the 1930s epoch and research emotions, spiritual life and women's ambition to express themselves.

Key words: peasant woman, communist, returnees, Harbin, the Great Terror, investigatory files, strategy of behavior, mentality, personal history.

Постановка проблемы

В статье предпринята попытка на основе ограниченного круга источников реконструировать особенности процесса вовлечения в политику неграмотной крестьянки и ее поведения в условиях репрессий. Отдельно можно поставить вопрос об источниках создания персональной истории обыкновенной малограмотной российской женщины, которая смогла проявить себя только в критической ситуации, а именно во время ареста и следствия. По мнению И. Б. Орлова, «непрозрачность» социальной реальности определяет методологию «предпочтения косвенных свидетельств», не содержащих «осознанного представления о действительности» [Орлов, 2012: 39]. С. В. Яров, исследуя источники для изучения психологии российского общества, призвал обращать внимание на политический и идеологический подтекст документов, анализировать лексику и риторику источников [Яров, 2009: 7]. В этом отношении материалы допросов из архивно-следственных дел, с привлечением других документов, могут не только помочь разобраться в специфике периода Большого террора, но и отразить внутренний мир человека, проанализировать ситуацию индивидуального выбора.

Л. П. Репина, говоря о направлении «новая биографическая», или «персональная история», указала, что при таком подходе жизнь и судьба личности, формирование и развитие ее внутреннего мира используются для «прояснения социального контекста, а не наоборот» [Репина, 2010: 56]. Дело Марии Гриценко дает возможность поставить несколько проблем в историческом контексте, а именно: харбинцы и их особенности, пути формирования советского человека, роль женщины как хранительницы устоев, крестьянского и шире — российского менталитета. Антропоцентристский подход и возможности персональной истории позволяют сделать выводы более общего характера, вписать казус в контекст эпохи 1930-х гг., исследовать эмоции, духовную жизнь и стремление женщины выразить себя, свои представления о справедливости.

Дело Марии Гриценко

Мария Петровна Гриценко, 49 лет, работавшая кастеляншей в буфет-ресторане при Курском вокзале железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского, была арестована 21 августа 1937 г. в Москве. Материалы ее дела — анкеты, протоколы допросов, письма — являются составной частью огромного двухтомного архивно-следственного дела ее сослуживца Г. Л. Субботы, по которому проходило более сотни человек [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, 2]. В справке — основании для ареста — говорилось, что М. П. Гриценко «прибыла на территорию СССР из Харбина в 1933 г. вместе с мужем Гриценко Е. А. За время пребывания в Харбине имела широкие связи с агентами японо-китайской разведки, которым выдавала преданных советской власти работников из числа работников КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги. — М. К.). По прибытии в СССР, будучи беспартийной (на самом деле она была членом ВКП(б) с 1930 г. — М. К.), стала проявлять особый интерес к закрытым партийным собраниям, требуя от руководителей парторганизации допускать ее на закрытые партийные собрания, используя это в шпионско-разведывательных целях. Подлежит аресту» [там же, т. 1, л. 133].

Поводом для ареста послужил донос профуполномоченного Московско-Курской железной дороги А. М. Шнарского начальнику отделения дорожно-транспортного отдела Главного управления государственной безопасности Усову, написанный от руки, корявым слогом, с большим количеством ошибок, довольно типичный для того времени. Однако среди клишированных обвинений в нем прорывается удивление поведением Марии Гриценко, нехарактерным для советского человека, тем более коммунистки: «Доношу, что во время обсуждения на партсобрании ст. Москва-1 врага народа Субботы (он был арестован 11 августа 1937 г. и на этом собрании исключен из партии. — М. К.) присутствовавшая при том член ВКП(б) Гриценко Мария, несмотря на то что обсуждение проходило 3 с половиной часа, все время сидела неподвижно и, несмотря на то что она его знает по совместной работе на КВЖД, не выступила и не рассказала о нем ничего, сидела задумчиво» (курсив мой. — М. К.) [там же, л. 141]. Именно эта фраза о молчании и задумчивости коммунистки Марии Гриценко во время партсобрания обратила на себя внимание и заставила присмотреться к ее делу.

Из анкетных данных, а также из ее писем можно узнать, что Мария Петровна Гриценко, 1888 года рождения, из крестьян, была уроженкой села Моршанка бывшей Самарской губернии. Отец — «молотобоец» (кузнец) — работал у кулака, она — уже с 8 лет — в няньках. Муж — Емельян Афанасьевич (в следственном деле — Афиногенович) Гриценко, 1881 года рождения — был безземельным крестьянином, окончил сельскую школу (в анкете указано — «малограмотный») и в 1903 г. уехал на заработки в Харбин, на КВЖД, где служил сначала стрелочником, затем багажным кондуктором. В 1906 г., когда Марии исполнилось 18 лет, она уехала в Маньчжурию, где они поженились в 1907 г. (брак был «вольный», не церковный) [РГИА, л. 15]. Она так и не получила никакого образования, была неграмотной. Сначала работала поденно чернорабочей, а с 1911 г. стала домохозяйкой. В 1933 г. М. П. Гриценко вернулась из Харбина в СССР с мужем и дочерью Валентиной. Они с мужем устроились на работу на Курском вокзале Москвы, где трудились до ареста.

На фотографии, сохранившейся в деле, Мария Гриценко выглядит усталой некрасивой женщиной средних лет с неприветливым выражением лица. Но то, как она держалась на протяжении всего следствия, не может не удивлять. Всегда тяжело читать протоколы допросов и наблюдать, как меняются показания подследственных уже через неделю-две после ареста, как ломаются люди, подписывая нелепые обвинения. Г. Л. Суббота, проходивший по этому делу, меньше чем через месяц после ареста, 8 сентября 1937 г., признался в шпионской работе и предательской деятельности, в том, что был «завербован в 1926 г. резидентом японской разведки», а также привел многочисленные списки «шпионов» из числа харбинцев [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, л. 15].

Показания допросов Марии Гриценко разительно отличаются от остальных. Следователь пытался сбить ее с толку однообразными вопросами, заставляя признаться в шпионской деятельности, подтвердить контрреволюционную работу знакомых по КВЖД. Она не понимала, чего от нее хотят. Протоколы подписывать отказывалась, говоря, что ни с одним пунктом обвинений не согласна [там же, л. 141—147]. Даже арест мужа 7 октября 1937 г., явно с целью давления на жену, не изменил ее позиции.

Поведение М. Гриценко резко контрастировало со всеобщей апатией, страхом, массовой истерией и доносом, которые овладели обществом. Возможно, это было инстинктивное противостояние отлаженной репрессивной системе. Она никак не вписывалась в образ врага народа, шпиона, вредителя, выбиваясь из общего ряда обвиняемых по делу. Муж — Е. А. Гриценко — также ни в чем не признался. В конце концов супруги Гриценко были обвинены в шпионаже в пользу Японии: «прибыли в Советский Союз по специальному заданию японских разведывательных органов» [там же, л. 167]. Мария Петровна и Емельян Афанасьевич Гриценко получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей, остальные участники процесса, признавшиеся во всех преступлениях, были приговорены к расстрелу [там же, л. 171—179].

В 1939 г. Мария Гриценко уже из лагеря написала прошение о пересмотре дела, настаивая на невиновности своей и мужа. В 1940 г. по ее заявлению дело было пересмотрено, лагерь хотели заменить ссылкой, но оставили приговор в силе. Уже отсидев свой срок, поселившись в г. Красный Кут Саратовской области, она разыскивала мужа, ничего не зная о его судьбе. В 1954 г. она подала заявление об установлении местонахождения мужа и получила официальный ответ: «Проверить по учетам 1-го Спецотдела МВД СССР мужа Гриценко Марии не представляется возможным». Правду о судьбе мужа ей так и не сообщили. В деле подколота справка: «Гриценко Е. А., 1881 г. р., умер 15 мая 1939 г. в Ухтижемлаге» [там же, л. 190].

Харбинский контекст

Особенностью дела Марии Гриценко было то, что она и несколько десятков человек, проходивших по этому делу, были определены как харбинцы — так называли не только бывших работников КВЖД, но и всех русских жителей Маньчжурии. Дело в том, что Китайско-Восточная железная дорога, построенная в конце XIX в. на территории Маньчжурии, привлекла в этот регион большое количество самых разных слоев российского общества — интеллигенцию, военных, рабочих,

крестьян со всех концов Российской империи. В Маньчжурию были привлечены огромные капиталы, но государственный контроль был гораздо слабее, существовала свобода предпринимательства. Низкие цены на продукты питания, возможности для торговли и хлебопашества, дешевая рабочая сила породили слухи о счастливой жизни в Маньчжурии, где жили «сытно и без забот».

Даже революция 1917 г. не особенно затронула обособленность КВЖД — «счастливую Хорватию», названную так по имени управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата. Здесь продолжали жить, уже под защитой китайских властей, как и прежде. В Харбине сохранялся дореволюционный быт и патриархальные нравы. Но в 1924 г., после заключения дипломатических отношений между СССР и Китайской республикой, КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление и советское влияние стало ощутимым. Это влияние затронуло широкие слои «старожилов» Маньчжурии и эмигрантов, бежавших туда после революции и Гражданской войны в России.

Советская пропаганда, которая велась посредством советских газет, профессиональных союзов, театральных постановок, кинопоказов, советских праздников, постепенно делала свое дело, заражая массы революционной энергией, осознанием сопричастности к великим событиям и целям, верой в народную власть. В харбинской просоветской прессе много писали о создании нового человека, который должен был обрести достоинство и самоуважение, о равенстве полов. Большинство рабочих и служащих КВЖД приняли («восстановили») гражданство СССР. Мария и Емельян Гриценко также подали заявления в Генеральное консульство СССР в Харбине и получили советское гражданство.

Советское политическое и культурное влияние в Северной Маньчжурии коснулось и женщин, особенно семейных, которые здесь традиционно не работали. На всех советских предприятиях Маньчжурии и на КВЖД были созданы женотделы («бабкомы»). Специально подготовленные пропагандистки организовывали женские кружки, где проводилась политучеба, обсуждались важные вопросы, женщин привлекали к благотворительной и политической работе [РГАСПИ, л. 85 об]. Мария Гриценко сообщила на одном из допросов — 29 августа 1937 г., что работала в женотделе станции Харбин, в 1927 г. подала заявление о вступлении в партию, в члены ВКП(б) была принята в 1930 г.: «Секретарь женотдела Карпенко Елена написала за меня заявление (была неграмотна). Муж тоже подал заявление, но в партию его не приняли» [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, л. 143]. Тогда же, видимо, Мария научилась писать и читать, во всяком случае, протоколы допросов 1937 г. были подписаны ею собственноручно.

Надо сказать, что широкое профсоюзное движение, развернувшееся в 1920-х гг. в Северной Маньчжурии, имело ощутимые результаты для рабочих КВЖД — повышение зарплат, улучшение условий труда, получение пенсий, медицинское и курортное обслуживание, предоставление казенных квартир, борьбу с безработицей. Однако работа в партийных, комсомольских и профсоюзных организациях Маньчжурии при ухудшении советско-китайских отношений была небезопасной. Члены профсоюза часто арестовывались китайской полицией за «пропаганду коммунизма» и попытку «свержения существующего строя» в Китайской республике [РГАСПИ, л. 86]. Профсоюзы существовали нелегально, вели подпольную работу. Все члены профсоюзов были разделены на «пятки», конспиративно собирались на частных квартирах, используя явки и пароли.

Партийная организация Северной Маньчжурии была частью Дальневосточной партийной организации, коммунисты руководили и профсоюзной организацией, которая охватывала практически всех работников КВЖД и служащих предприятий — советских граждан. Протоколы допросов Марии Гриценко демонстрируют ее активное участие в партийной и профсоюзной работе. Она подробно описала, как нелегально передавала литературу в профсоюзные организации, рискуя быть арестованной: «Привозили в мою квартиру на Сунгарийском проспекте по ночам в чемодане, указывали, по каким адресам разнести — по ячейкам, помогала дочь Антонина. Передавала литературу связистам по определенному паролю» [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 1, л. 144].

Документы харбинской партийной организации 1920—1930-х гг. подтверждают, что к нелегальной работе допускались лишь проверенные люди из партийного актива. То, что М. Гриценко выполняла ответственную работу, говорило об особом доверии к ней со стороны парторганизации, давало ей повод для гордости. В 1929 г. во время советско-китайского конфликта Мария была арестована в Харбине китайскими властями вместе с мужем, который в качестве багажного кондуктора нелегально провозил почту во Владивосток. Марию позже отпустили, но она осталась работать в тюрьме, чтобы помогать мужу вещами и продуктами. Емельян Афанасьевич был освобожден в результате подписания Хабаровского протокола между СССР и Китаем в декабре 1929 г., после чего опять вернулся работать на КВЖД и только в 1932 г. уволился по болезни, получал от КВЖД пенсию [РГИА, л. 13].

Возвращенцы

С 1932 г. СССР постепенно сдавал свои позиции в Маньчжурии. Оккупация Маньчжурии Японией, конфликты с японскими войсками, ухудшение финансового положения, резкое сокращение коммерческих перевозок подрывали работу КВЖД. Против советских граждан начались репрессии со стороны японской администрации. В 1933 г. супруги Гриценко решили вернуться в СССР. В это время в связи с оккупацией Маньчжурии Японией наблюдался массовый отток русского населения из Харбина: кто-то уезжал на юг Китая, в Америку, Австралию, но большая часть решила вернуться на родину, тем более что возвращение в СССР всячески поощрялось советским консульством, беспрепятственно выдавались въездные визы, оплачивался проезд и т. д. К тому же Советское государство гарантировало бесплатное образование для детей и устройство на работу для старшего поколения. В Советском Союзе для всех вернувшихся из-за границы существовал термин «возвращенцы».

Возвращение в СССР стало осознанным шагом («русский человек должен жить на своей, русской, земле»), но, видимо, обернулось потрясением для вернувшихся: слишком велик был контраст с образом жизни советских людей. Советская власть не доверяла им, считая, что «на долю прибывших из Северной Маньчжурии падает значительное число участков во вредительской, диверсионной и шпионской работе», что часть харбинцев, «крепко легализовавшись, может нанести значительный ущерб социалистическому строительству» [РГАСПИ, л. 88 — 88 об]. Разумеется, все возвращенцы были под пристальным наблюдением ОГПУ, они изначально считались чужаками, так и не ставшими своими в Советской России.

Л. Манчестер писала о культурном шоке вернувшихся харбинцев, которые по прибытии в СССР осознали, что «дореволюционные обычаи, традиции, ценности, в частности религиозность, сохранявшиеся в Харбине, в СССР были вырваны с корнем». Она также приводит свидетельство женщины из семьи старожилов Маньчжурии, чей отец — крестьянин по происхождению — стал коммунистом и советским гражданином в 1918 г. В 1932 г. в возрасте 15 лет она приехала с семьей в СССР и так описала свои впечатления: «Поняла, что незаметно и независимо от меня я впитывала харбинскую культуру, этику, благосопитанность, порядочность, презрение к трусости... в отличие от хамства, нечистоплотности, лживости, убожества, бескультурья, ограниченности советских людей» [Манчестер, 2013: 335]. Исследовательница предположила, что вернувшиеся харбинцы стали носителями иной, дореволюционной культуры, которая вошла в противоречие с советскими нормами и ценностями.

Супруги Гриценко не были на родине почти 30 лет. За это время в жизни страны произошли глобальные изменения. Трудно сказать, как восприняли Гриценко новую жизнь в Советском Союзе, но на основании свидетельств других возвращенцев можно предположить, что негативно. В архивно-следственных делах харбинцев содержатся доносы, передающие реакцию вернувшихся из Маньчжурии: «...выражал свое недовольство приездом в СССР, указывая, что... о материальных условиях рабочих только пишут, а на самом деле процветает голод, нищета»; «Здесь, в Советском Союзе, много красивых слов о заботе о человеке, а на деле наоборот»; «Нет ничего гнуснее, как хватать людей и сажать их за решетку. Советские тюрьмы заткнули за пояс китайские и японские тюрьмы кошмарными условиями и гнусным обращением с заключенными» [ГАРФ, оп. 1, д. П-68967, л. 12 об.; д. П-28086, л. 133, 134 об.]. Другие свидетельства говорят о том, что харбинцев возмущало не столько тяжелое материальное положение, проблемы с жильем, питанием, сколько изменившиеся люди и общая атмосфера в Советском Союзе 1930-х гг.

Положение Гриценко отягчалось личной трагедией: их дочь Валентина была убита в 1934 г. в вагоне поезда в Люблино [там же, д. П-54993, т. 1, л. 142].

Спасала солидарность возвращенцев: следственные материалы показывают, что вернувшиеся харбинцы старались держаться вместе, помогать друг другу, в частности при устройстве на работу — так на железной дороге им. Ф. Э. Дзержинского оказалось много знакомых по Харбину. Почти все они были арестованы летом 1937 г., когда начались массовые аресты в рамках «харбинской операции»: 19 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект, а 20 сентября НКВД был издан приказ № 00593, в котором были определены мероприятия по борьбе с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из числа харбинцев.

По подсчетам историков общества «Мемориал», в рамках этой операции было репрессировано более 30 тысяч человек [Хаустов, 2015:107]. Изучение архивно-следственных дел показывает, что практически все признавшиеся в шпионской деятельности были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу; отрицавшие свою вину получали, как правило, 10 лет лагерей, как супруги Гриценко.

В середине 1950-х гг. начались пересмотры дел. 28 марта 1956 г. Транспортная коллегия Верховного суда признала необоснованными предъявленные обвинения и объявила о прекращении дела № 3662 [ГАРФ, оп. 1, д. П-54993, т. 2, л. 276].

Выводы

При осмыслении страшного русского XX века обращение к сюжетам, связанным с репрессиями, не случайно. Это связано с существующим сегодня в обществе запросом на живую, персонифицированную, личную историю. Материалы архивно-следственных дел — справки, протоколы допросов — могут быть важными источниками по реконструкции не только биографий, «технологии» террора, но и стратегий поведения людей в периоды смены нравственных ориентиров. Случай с Марией Гриценко является частной историей вовлечения необразованной крестьянской женщины в партийную и общественную жизнь, историей осознания себя как личности.

Важным обстоятельством дела М. Гриценко была ситуация возвращения в Советский Союз из Харбина, возникшая дистанция между представлениями о народном государстве и советской действительностью. Поведение вернувшихся харбинцев не вписывалось в сформировавшийся советский канон оговоров, доносов, шельмования по указке. Обычно в поле зрения ОГПУ оказывались подозрительные поступки, смелые реплики, однако, как оказалось, и выразительное молчание также было отступлением от одобренного властью поведения. В молчании видели хитрость, мимикрию, возможную неприязнь к происходившему. Власть, видимо, чувствовала опасность со стороны сохранившейся человечности и порядочности.

В отличие от эго-документов, материалы архивно-следственных дел специфичны: мы не можем знать, что думала о себе и о времени, в котором ей довелось жить, Мария Гриценко. Но уже своим молчанием, неучастием в общей травле, упорством в отрицании вины она продемонстрировала жизненную силу, нравственный стержень, разрушая миф о крестьянской покорности и терпении. Она таким образом выразила себя, свои представления о справедливости. Простая необразованная женщина оказалась сильнее многих мужчин, заставила систему считаться с собой, когда государственная машина наткнулась на странное упорство, инстинктивное сопротивление абсурду происходившего.

Дело Марии Гриценко подводит нас к осмыслению феномена совести как главного компонента народных представлений, крестьянской ментальности, которую не смог уничтожить советский эксперимент. Представляется, что именно совесть — иррациональная, внеидеологическая и внеполитическая категория — позволила нашей стране выжить и сохраниться.

Библиографический список

- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10035.
Манчестер Л. Носители дореволюционных традиций становятся советскими гражданами: возвращение русских из Китая // *Человек и личность в истории России, конец XIX — XX век.* СПб.: Нестор-История, 2013. С. 329—344.
Орлов И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.: Науч.-исслед. ун-т ВШЭ, 2012. 191 с.
РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 120. Д. 84.
РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 323. Оп. 9. Д. 1271.

- Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М.: Квадрига, 2010. С. 55—74.
- Хаустов В. Н. Японская операция НКВД 1937—1938 гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма: новые факты и интерпретации. М.: РОССПЭН, 2015. С. 106—118.
- Яров С. В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб.: Нестор-История, 2009. 430 с.

References

- Iarov, S. V. (2009) *Istochniki dlia izucheniiia obshchestvennykh nastroyenii i kul'tury Rossii XX veka* [Sources for the study of social attitudes and culture of Russia of the XX century], St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Khaustov, V. N. (2015) *Iaponskaia operatsiia NKVD 1937—1938 gg.* [Japanese operation of NKVD in 1937—1938 years], in: *Politicheskie i sotsial'nye aspekty istorii stalinizma: Novye fakty i interpretatsii* [Political and social aspects of the history of Stalinism: New evidence and interpretations], Moscow: ROSSPĒN, pp. 106—118.
- Manchester, L. (2013) *Nositeli dorevoliutsionnykh traditsii stanoviat'sia sovetskimi grazhdanami: vozvrashchenie russkikh iz Kitaia* [Bearers of pre-revolutionary traditions become Soviet citizens: the return of Russians from China], in: *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX — XX vek*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 329—344.
- Orlov, I. B. (2012) *“Chelovek istoricheskii” v sisteme gumanitarnogo znaniia* [Historical person in the system of humanistic knowledge], Moscow: Nauchno-issledovatel'skii universitet “Vysshiaia shkola ekonomiki”.
- Repina, L. P. (2010) *От “истории одной жизни” к “personal'noi istorii”* [From “one’s life history” to “personal history”], in: *Istoriia cherez lichnost': Istoricheskaia biografiia segodnia*, Moscow: Квадрига, pp. 55—74.

Статья поступила 01.11.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кротова Мария Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, mary_krot@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation).